

Милан, день 2. окончание

Церковь Сан-Надзаро-ин-Броло – еще один редкий структурный тип, созданный в 4 в. В романскую эпоху, как водится, она была перестроена, но свой план сохранила. Ее можно назвать крестово-купольной – купол над средокрестием равноконечных ветвей креста, но этот термин вызывает ассоциации с русскими храмами, от которых она существенно отличается: своды ветвей креста у нее не коробовые (цилиндрические в профиль), как на Руси, а крестовые. Т.е. каждая ветвь представляет собой квадратик, перекрытый крестовым сводом с выраженными нервюрами. На фото показан вид от западного входа и южная ветвь креста. Видно, что окошки расположены кое-как – без какой-то системы, где место не занято. И довольно темно, как, впрочем, во всех романских церквях.

Однако попали мы туда не сразу. С улицы видно только странное сооружение в виде квадратной в плане двухъярусной недобашни с легким ренессансным декором. Мы обошли кругом все, что за ней громоздится, полюбовались мощной церковной апсидой, рассмотрели купол на восьмигранном барабане, похожий на завершение хора Сан-Амброджо, хотя он настолько невысок, что его вообще трудно заметить, и только с помощью местного населения поняли, что входить в церковь нужно как раз через эту странную недобашню, которая оказалась мавзолеем

семьи Тривульцио, построенным в 16 в. учеником Браманте по прозвищу Брамантино.

Удивительным оказалось то, что изнутри мавзолей оказался не квадратным, как можно было бы ожидать, глядя на него снаружи, а восьмигранным и снабженным восьмигранным же куполом, скрытым верхним четвериком. Видимо, восьмигранник понадобился, чтобы увеличить число мест для саркофагов, которые расположены в нишах стен, причем на такой высоте, что лежащие мраморные фигуры, изображающие усопших, практически не видны. Непонятно, зачем было маскировать его внешним четвериком – открытый восьмигранник прекрасно гармонировал бы с куполом церкви,

не закрывая его. Характерно, что мавзолей, в котором, казалось бы, должен царить полумрак, в отличие от самой церкви залит светом из окон барабана купола и из отверстия в его центре.

Ну что ж, бывает...

Еще во время обхода церкви мы увидели удивительно прекрасное, богато украшенное здание рядом с ней, но зажмурились, чтобы не потерять ближайшую цель. Это здание оказалось следующим пунктом нашего маршрута - Оспедале Маджоре, общественной больницей, построенной Антонио Филарете при Франческо Сфорца (середина 15 в.), сейчас занятой очередным гуманитарным факультетом Миланского университета. Филарете – автор гуманистического проекта «идеального города», отчасти воплощенного в жизнь в папской Пиенце (там мы, правде, не были). Глядя на картинки путеводителей, я ожидала увидеть нечто очередное длинно-монотонное, призванное утвердить превосходство классической ордерной системы над своенравной миланской готикой, ненавидимой Вазари и другими мастерами Возрождения, и включила его в наш маршрут более с образовательной целью, чем в надежде получить удовольствие. И обманулась. Здание, хоть и невообразимо длинное, и частично закрытое тряпкой для реставрации (как раз часть крыла,

построенного Филарете), тем не менее, невообразимо прекрасно. Красный кирпич с тонким лепным терракотовым узором наличников и фриза между этажами нарядно оттенен беломраморными колоннами и скульптурными бюстами с удивительно живыми лицами, мужскими и женскими. Готические раздвоенные окна – дань городскому вкусу – обрамлены полуциркульными арками на стройных полуколоннах, а часть здания занимает настоящая галерея, нарушающая его монотонность. Но многообразие украшений не создает впечатление барочной избыточности, а напротив, выглядит строго и гармонично, вероятно, благодаря разнице масштабов: резной узор очень мелок и не конкурирует со скульптурными деталями.

А уж внутренний дворик! Просто нет слов,
смотрите сами!

Последний пункт программы – церковь Санта-Мария presso Сан-Сатиро – был выбран из-за двух достоинств: во-первых, еще один редкий, правда, не очень древний (всего-то 9 в.) центрический тип - квадратный план с полукруглыми нишами на каждой стороне, как в древнеармянских церквах, с коробовыми сводами над ветвями трансепта, с крестовыми сводами по углам и куполом над центральным пространством (К. Верман), во вторых – она же переделана великим Браманте, а стоящая рядом ризница (его же рук дело) вообще считается «первым миланским закрытым помещением, где исчезают уже все следы готики» (там же). Но тут случился провал – церковь была уже закрыта – вот, чего стоил обед посреди маршрута, мы нарушили святой принцип прошлогодней поездки - обедать, когда все главное увидено. Если бы не дождь... Так что поснимали ее только снаружи.

Говоря об особенностях ломбардского стиля, забыла упомянуть характерную черту – небольшое круглое окно под коньком крыши. Переделав здание в духе Ренессанса, Браманте сохранил (или вновь создал – как напоминание о традициях?) круглое окно в новом контексте. Небольшая восьмигранная ризница - шедевр ренессансной строгости линий и пропорциональности.

Рядом с этим комплексом древняя колокольня, имеющая типичный романский облик и, как обычно в Италии, стоящая отдельно от корпуса церкви, выглядит, как седло на корове. Такие колокольни встречаются повсеместно в Италии, их много в Риме, в Тоскане они имеют такую же форму, только отделаны мрамором, реже (в Венеции, например) они имеют короткое шатровое завершение. Их отличительная особенность: вместо незаметного сужения кверху, обычно применяемого для визуального облегчения постройки, тот же эффект достигается увеличением числа окон с каждым этажом. Т.е. чем выше, тем она кажется прозрачнее и невесомее. Хотя, казалось бы, чем меньше окон, тем более узким кажется здание. Ан нет, все как раз наоборот...

В Милане вблизи Дуомо есть еще одна нетипичная, но очень изящная колокольня от несохранившейся церкви, мы ее видели где-то по дороге. Она чем-то напоминает родную Кремлевскую башню, возможно, оттого, что Антонио Солари или кто-то из его семейства ее построил... Хотя наша – не падает, как эта!

Поскольку Сан-Сатиро стоит почти рядом с Дуомо, наш маршрут сделал круг и вернул нас в исходную точку. Мы вздохнули, бросив на Собор последний взгляд (доступ туристов по-прежнему был закрыт, но на площадь, полную народа, транслировали заупокойную мессу, которую читал чернокожий прелат), и, почти не заблудившись, побрели домой. Путь показался очень долгим, потому что итальянские туфли, такие удобные в начале дня, натирали и давили, где только могли. А мы переживали впечатления.

Милан – город многолюдный, многоликий, современный и старинный, модный, не лишенный юмора и полный религиозного чувства, а главное – неожиданный и непредсказуемый на каждом повороте. Как и Москва. Но – по-своему.

Я со своей стороны хотел бы ненавязчиво отметить свою скромность и самоотверженность – ни словечком, ни намеком не было дано понять, что нехило бы заглянуть на Сан-Сиро – историческое местечко, если вдуматься, и святой – не хуже иных прочих. Не уверен, что какой-нибудь Сан-Эусторджо видел в своей многовековой истории столько страстей и чудес! Надо, надо Таньку затащить как-нибудь на Парк-де-Пренс или Уэмбли, рассказать ей их историю, коротенько так, минут на сорок, объяснить особенности периодизации – про революцию бразильской схемы, про мрачную стену «катеначчио» великого миланского архитектора Эленио Эрреры, про тоталитаризм голландских романтиков и о прочих удивительных вещах и великих мастерах, о которых она не имеет ни малейшего представления. А ведь это так интересно! ЮШ